

УДК 347.428

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ТРЕТЬИМ ЛИЦОМ КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО ПРЕКРАЩЕНИЯ

Дашко Александр Викторович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: 89262322007@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Исполнение обязательств третьим лицом часто приводит к практическим проблемам и не позволяет должным образом защитить права их участников. Целью исследования является поиск наиболее эффективных критериев разграничения обязательств, исполняемых третьим лицом, а также возможных вариантов их последующего действия в связи с указанным обстоятельством. Методологическую основу составили совокупность диалектического, системного методов исследования и телеологический подход, в соответствии с которыми третьи лица исполняют обязательство за должника, что по-разному влияет на их прекращение. Приводится классификация указанных обязательств по различным основаниям на примере суброгационных требований, договора поручительства и договора имущественного страхования. Аргументируется авторская позиция относительно третьих лиц как участников обязательств, не обладающих самостоятельным требованием, но несущих функцию исполнения обязательства. Приводятся предложения по совершенствованию отдельных статей гражданского законодательства, позволяющие устранить пробелы правового регулирования.

Ключевые слова: поручительство, имущественное страхование, суброгация, третьи лица, исполнение обязательства третьим лицом, исполнение обязательств, прекращение обязательств

PERFORMANCE OF AN OBLIGATION BY A THIRD PARTY AS A BASIS FOR ITS TERMINATION

Dashko A.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: 89262322007@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The performance of obligations by a third party often leads to practical problems and fails to adequately protect the rights of its participants. The purpose of the article is to find the most effective criteria for distinguishing obligations performed by a third party, as well as possible options for their subsequent action in connection with this circumstance. The methodological basis of the article is a set of dialectical and systematic research methods, as well as a teleological approach, according to which third parties perform obligations for the debtor, which affects their termination in different ways. The classification of these obligations on various grounds is given on the example of subrogation claims, a surety agreement and a property insurance contract. The author's position regarding third parties as participants in obligations that do not have an independent claim, but carry the function of performing the obligation, is reasoned. The proposals to improve individual articles of civil legislation, allowing to eliminate gaps in legal regulation, are made.

Keywords: surety, property insurance, subrogation, third parties, performance of obligations by a third party, performance of obligations, termination of obligations

DOI 10.21777/2587-9472-2022-4-46-51

Случаи, когда третьи лица исполняют обязательство за должника, являются довольно разнообразными, а классифицируются они по различным основаниям. Так, их можно разделить на две большие группы:

1) те, в которых третье лицо исполняет собственное обязательство, не совпадающее по объему с обязательством должника (или не обязательно совпадающее), возникшее в силу закона. Это случаи, когда у третьего лица имеется перед кредитором свое самостоятельно существующее обязательство, исполнение которого влечет автоматический переход (суброгацию) требования первоначального кредитора к третьему лицу (например, поручительство или имущественное страхование);

2) те, в которых третье лицо исполняет «чужое обязательство», обязательство должника и «за должника» (большинство обязательств, возникающих из поименованных в Гражданском кодексе РФ¹ (ГК РФ) договоров и иных юридических фактов, которые могут быть исполнены третьим лицом²).

Обе приведенные группы случаев интересны с точки зрения того, прекращается ли обязательство должника или нет, а также каковы обстоятельства этого прекращения.

В случае поручительства поручитель исполняет не обязательство должника, а свое обеспечительное обязательство, существующее параллельно с последним и объединенное с ним единством цели и компенсирующего эффекта. В силу положений п. 1 ст. 365 ГК РФ обеспечительное обязательство прекращает долг поручителя перед кредитором, в то время как в качестве компенсации к поручителю переходит требование исходного кредитора к должнику, т.е. долг должника не прекращается.

При этом в п. 3 ст. 365 ГК РФ указано, что правила, установленные настоящей статьей, применяются, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором поручителя с должником и не вытекает из отношений между ними. Иными словами, в указанных случаях исполнение обеспечительного обязательства может повлечь прекращение долга должника.

В качестве предусмотренного законом случая отсутствия у поручителя, исполнившего обязательство, права требования к должнику в силу особых отношений между ними можно назвать поручительство государственного заказчика по обязательству об оплате покупателем товаров по договору поставки товаров для государственных нужд (ст. 532 ГК РФ). Государственный заказчик, ответивший в качестве поручителя за покупателя, не оплатившего товар ввиду отсутствия бюджетного финансирования, не получает право на предъявление требований к должнику. Данное регулирование обусловлено тем, что причиной невыполнения должником (покупателем) обязательства по оплате является отсутствие финансирования из бюджета, обеспечить получение которого должен был сам государственный заказчик (ст. 526 ГК РФ)³.

Правило о переходе прав кредитора в порядке суброгации к поручителю, исполнившему обязательство, является диспозитивным, т.е. может быть изменено соглашением сторон. Так, существует деловая практика, в которой должник и поручитель блокируют действие правил о суброгации и договариваются о порядке вступления последнего в чужой долг, последствиях исполнения обязательства поручителем в отношениях между ним и должником⁴.

Существо отношений сторон также может исключать возможность удовлетворения суброгационных требований. К примеру, иностранная компания приобрела сеть магазинов с дисконтом в связи с тем, что управляющая ими компания выступала поручителем перед банком по долгам своего владельца. В отношении последнего было возбуждено дело о банкротстве, и поручитель погасил кредит, а затем попытался еще и получить денежные средства за счет конкурсной массы, ссылаясь на то, что он приобрел к должнику регрессное требование. В то же время продажа компании-поручителя с дисконтом свидетельствовала о том, что скидка к цене сделки включала отказ от суброгационного требования в соответствии с п. 3 ст. 365 ГК РФ [1, с. 78].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2022 г.)] // Российская газета. – 1994. – № 238-239. – 8 декабря.

² По делу о проверке конституционности положения абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации: [от 23 декабря 2009 г. № 20-П] // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2010. – № 1.

³ Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 1. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ См., например: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда по делу № А33-31267/2018К5: [от 13 апреля 2021 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исполнение поручительства не всегда влечет суброгацию и прекращает обязательство должника, поскольку может зависеть от закона, иных правовых актов или договора поручителя с должником либо вытекать из отношений между ними.

В договоре имущественного страхования страховщик, выплачивая страховое возмещение в связи с утратой или повреждением имущества, исполняет свое собственное обязательство, а не обязательство причинителя вреда по возмещению убытков. В силу ст. 965 ГК РФ такое возмещение приводит к автоматическому переходу к страховщику требования страхователя к причинителю вреда. Вместе с тем в соответствии с п. 1 указанной статьи договором имущественного страхования может быть предусмотрено правило о том, что к страховщику, выплатившему страховое возмещение, право требования страхователя (выгодоприобретателя) к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования, не переходит. Соответственно, суброгация может отсутствовать и при имущественном страховании. Действует только общее исключение, согласно которому условие договора, исключающее переход к страховщику права требования к лицу, умышленно причинившему убытки, ничтожно.

Во всех случаях, когда третье лицо обладает полнотой правового статуса, т.е. самостоятельной волей в отношении кредитора, наблюдается достаточная условность. Поручитель и страховщик, как и любое третье лицо, исполняют обязанность в силу закона (независимо от основания ее возникновения) и в соответствии с ним. В случаях с суброгацией наблюдаются сложность взаимоотношений третьего лица с должником, экономическая обоснованность, академическая изученность и нормативная четкость регулирования их правового статуса, как следствие, высокая вероятность надлежащего исполнения обязательства. Несовпадение объема долга третьего лица и должника еще не говорит о том, что указанные случаи не являются примерами исполнения обязательства третьим лицом и на них не могут распространяться правила ст. 315 ГК РФ.

Обратимся ко второй группе случаев, когда третье лицо исполняет обязательство за должника, совпадающее с его обязательством по объему, «за должника», «вместо должника». Примером такой ситуации может служить норма общей части гражданского права о погашении третьим лицом долга (п. 5 ст. 313 ГК РФ). Примеров, как уже указывалось, можно привести достаточно много, в том числе случаев с погашением долга третьим лицом с последующей суброгацией. Ситуации, когда у третьего лица нет своего долга перед кредитором, в литературе объясняются по-разному, и их не очень много.

Так, в научном сообществе развернулась дискуссия относительно того, погашает ли долг исполнение третьим лицом при отсутствии самостоятельного требования. Большинство специалистов указывают, что третье лицо действительно исполняет долг, и тогда здесь мы имеем дело с исключением из правила о том, что обязательство прекращается исполнением должника. Так, по мнению А.Ю. Чурилова, при исполнении обязанности должника в полном объеме исполнение обязанности третьим лицом приведет к прекращению обязательства в связи с его надлежащим исполнением, и в этом случае речь идет о таком исполнении обязанности должника третьим лицом, которое повлечет прекращение обязательства его исполнением [2, с. 100]. В.А. Сорокин, в свою очередь, указывает на наличие правовой презумпции прекращения обязательства должника вплоть до оспаривания сторонами этого факта в суде, поскольку реальные отношения между ними для посторонних лиц сокрыты [3, с. 75]. В целом, с приведенными утверждениями следует согласиться. Исполнение обязательства третьим лицом при условии, что это не противоречит закону, соглашению сторон и существу обязательств, не затрагивает прав и законных интересов третьих лиц, создает благоприятную атмосферу и придает вариативность исполнению обязательств, что идет на пользу гражданскому обороту.

Вместе с тем принято считать, что это далеко не всегда «должным образом делается» и вообще возможно только при выполнении условий отдельных видов обязательств. Третье лицо может не обладать нужными правомочиями, в том числе не иметь права гасить долг, но обладать возможностью совершать иные действия, например вносить сумму выкупа. Так происходит в опционном договоре, если продавец по договору купли-продажи опциона переводит обязанность заключить договор на третье лицо с согласия покупателя, а третье лицо способно выполнить его условия [4, с. 69]. В указанном случае платеж за должника не представляет собой погашение долга в силу существования обязательства.

Третье лицо, не обладающее самостоятельным требованием, несет только функцию исполнения обязательства (выступает за должника). Следовательно, у него отсутствует самостоятельная воля в отно-

шении кредитора, что предопределяет отсутствие четкого законодательного регулирования и стандарта исполнения. В этой связи на передний план выступают вид обязательства, участники, обстоятельства исполнения, существо отношений. Например, следует отличать возврат долга родителем за несовершеннолетнего ребенка дальнему родственнику от исполнения дорогостоящих коммерческих сделок.

Так или иначе, во всех рассмотренных случаях самым актуальным вопросом остается факт прекращения долга. Прекращается ли обязательство должника надлежащим исполнением третьим лицом? Каковы обстоятельства этого прекращения? Если придерживаться такой логики рассуждения, то этот вопрос следует рассматривать в несколько иной плоскости. Изучение указанного вопроса дает возможность сделать вывод о том, что долг может прекратиться надлежащим исполнением, в том числе в порядке регресса, цессии и суброгации.

Остановимся на примере с суброгацией. В литературе принято считать, что это ситуация, которая возникает в отдельных случаях при надлежащем исполнении, произведенном за должника третьим лицом, которое влечет переход прав кредитора по этому обязательству к исполнившему это обязательство третьему лицу, т.е. происходит замена кредитора в обязательстве на основании закона [5, с. 398]. Рассмотренные случаи с поручительством и имущественным страхованием подтверждают, что суброгация – это частный случай исполнения обязательства третьим лицом, поскольку во всех вариантах исполнения обязательства третьим лицом существуют самостоятельные требования. Во всех случаях долг может оставаться у должника, если он не исполнен надлежащим образом. Суброгация отличается наличием отдельного правоотношения, связывающего кредитора с третьим лицом, компенсирующим его убытки [6, с. 95]. Наличие самостоятельного требования не является основанием считать суброгацию отличным от того, что предусмотрено п. 5 ст. 315 ГК РФ.

Обязательство должника не прекратится, если третье лицо его не исполнит по каким-то иным причинам, например исполнит «ненадлежаще» по времени, месту, способу и другим признакам. Примерами таких случаев могут быть и указанные регресс, цессия, суброгация, если, к примеру, они исполнены не в нужном объеме. Исполнение третьим лицом может как наступить, так и не наступить вовсе, что зависит от конкретных обстоятельств: специальных норм, добросовестности поведения третьего лица, возможного соглашения сторон, процессуальных действий и т.д. Рассмотрим каждое обстоятельство в отдельности.

В соответствии с п. 28 «Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства»⁵ после введения первой процедуры по делу о банкротстве третье лицо в индивидуальном порядке вправе погасить только требования уполномоченного органа по обязательным платежам на основании положений ст. 71.1, 85.1, 112.1 и 129.1 Закона о банкротстве⁶. На невозможность применения п. 5 ст. 313 ГК РФ к договору субподряда указывает И.И. Зикун, поскольку он «напрямую противоречит сложившемуся подходу, при котором генеральный подрядчик получает регрессное право требования к субподрядчику... Суброгация в случае компенсации убытков генеральным подрядчиком заказчику невозможна, потому что заказчик не имеет никакого права требования к субподрядчику и, соответственно, уступить заказчику генеральному подрядчику нечего» [7, с. 170].

Если третье лицо исполнило обязательство должника согласно условиям заключенного ими соглашения, не предполагающего возмещения третьему лицу соответствующих расходов, и воспользовалось платежными документами, заявив требование о включении указанных сумм в реестр требований кредиторов должника лишь с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов, требование третьего лица не подлежит включению в реестр требований кредиторов⁷. Уменьшение количества голосов может быть квалифицировано как недобросовестное поведение, что блокирует возможность признания законным поведения третьего лица при исполнении им обязательства.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 9.

⁶ О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон Российской Федерации: [от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30 декабря 2021 г., с изм. от 3 февраля 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.)] // Российская газета. – 2002. – № 209-210. – 2 ноября.

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3: [утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г.] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 9. – Сентябрь.

В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»⁸, если исполнение обязательства было возложено должником на третье лицо, последствия такого исполнения в отношениях между третьим лицом и должником регулируются соглашением между ними. Например, гражданское законодательство основывается на презумпции разумности действий участников гражданских правоотношений (ст. 10 ГК РФ), поэтому в ситуации, когда родственник бенефициара группы компаний, ведущий с ним общий бизнес, систематически производит платежи за этого бенефициара его кредитору, предполагается, что в основе операций по погашению чужого долга лежит договоренность между бенефициаром и его родственником – заключенная ими сделка, определяющая условия взаиморасчетов. В данном случае погашение долга будет зависеть от строгого исполнения этого соглашения третьим лицом.

Наконец, погашение долга может зависеть от процессуальных действий. В соответствии с Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 38-КГ19-9⁹, если по требованию кредитора к солидарным должникам было заключено мировое соглашение, после чего третье лицо погасило солидарный долг должников по правилам п. 2 ст. 313 ГК РФ, то в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ происходит суброгация, а третье лицо приобретает требование ко всем солидарным должникам и может требовать процессуальной замены стороны мирового соглашения [8, с. 82].

Таким образом, следует говорить об общих чертах всех случаев исполнения обязательства третьим лицом, независимо от того, обладает ли третье лицо полной правовой статус или нет. Независимо от основания возникновения обязательства, объема долга (его несовпадения с долгом должника), наличия воли в действиях и характера действий третьего лица, обязательство должно исполняться в соответствии с законом. Суброгацию следует рассматривать как частный случай исполнения обязательства третьим лицом, на которое следует распространять правила ст. 315 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом и не вытекает из существа обязательства. Главным ориентиром правового регулирования должны выступать сами обязательства, их вид, участники, обстоятельства исполнения, существо.

Список литературы

1. *Бычков А.И.* Фармацевтическая отрасль России: состояние и перспективы. – Москва: Инфотропик Медиа, 2018. – 152 с.
2. *Чурилов А.Ю.* Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. – Москва: Юстицинформ, 2019. – 200 с.
3. *Сорокин В.А.* К вопросу о прекращении залога после истечения срока исковой давности по обеспеченному обязательству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 4. – С. 70–81.
4. *Лубягина Д.В., Бычков А.И.* Опционный договор // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 1. – С. 67–72.
5. *Фогельсон Ю.Б.* Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2012. – 576 с.
6. *Терехов А.В.* Суброгация в современном гражданском праве России: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2008. – 185 с.
7. *Зикун И.И.* Договор субподряда: комментарий к ст. 706 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2021. – № 4. – С. 130–176.
8. *Карпетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М.* Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за август 2019 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 10. – С. 69–84.

⁸ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 22 ноября 2016 г. № 54] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1. – Январь.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации: [от 27 августа 2019 г. № 38-КГ19-9]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.02.2022). – Текст: электронный.

References

1. *Bychkov A.I.* Farmaceuticheskaya otasl' Rossii: sostoyanie i perspektivy. – Moskva: Infotropik Media, 2018. – 152 s.
2. *Churilov A.Yu.* Uchastie tret'ih lic v ispolnenii grazhdansko-pravovogo obyazatel'stva: monografiya. – Moskva: Yusticinform, 2019. – 200 s.
3. *Sorokin V.A.* K voprosu o prekrashchenii zaloga posle istecheniya sroka iskovoy davnosti po obespechiyaemому obyazatel'stvu // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2020. – № 4. – S. 70–81.
4. *Lubyagina D.V., Bychkov A.I.* Opcionnyj dogovor // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. – 2016. – № 1. – S. 67–72.
5. *Fogel'son Yu.B.* Strahovoe pravo: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya: monografiya. – Moskva: Norma: Infra-M, 2012. – 576 s.
6. *Terekhov A.V.* Subrogaciya v sovremenном grazhdanskom prave Rossii: voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. – Moskva, 2008. – 185 s.
7. *Zikun I.I.* Dogovor subpodryada: kommentarij k st. 706 GK RF // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2021. – № 4. – S. 130–176.
8. *Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M.* Obzor pravovyh pozicij Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam chastnogo prava za avgust 2019 g. // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 10. – S. 69–84.